

УДК 378.4(470.23-25+474.2)"18"

DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-83-98

**Университетские связи Петербурга и Дерпта
в первой половине XIX в. и проблема единства
академического пространства Российской империи**

К. С. Казакова, Т. Н. Жуковская

Статья рассматривает формы академического взаимодействия Дерптского и Петербургского университетов – такие как студенческие и профессорские миграции, целенаправленная подготовка ученых для российских университетов в Профессорском институте Дерпта, книгообмен и обмен научной информацией между университетами, участие в совместных университетских коммеморациях, научных проектах и экспедициях. Делается вывод, что Дерптский университет первой половины XIX века, вписанный в систему университетов Российской империи и в систему учебных округов, служил своеобразным питомником научных кадров для «внутренних» университетов империи, в особенности это касается сферы точных наук и филологии. Многие выпускники Дерптского университета сделали блестящую научную карьеру в Петербурге, среди них П. И. Прейс, Э. Х. Ленц, В. Я. Струве. В то же время приобщение к традициям дерптских студентов для академических мигрантов из «внутренних» университетов империи было условием усвоения моделей поведения, восходящих к традициям немецких университетов. В этом смысле Дерптский университет был каналом трансфера европейской университетской культуры в Россию. Отсюда – распространение в Петербургском университете, по примеру Дерптского, студенческих корпораций, которые долгое время были терпимы администрацией и не вызывали преследований. В рассмотренное время складываются уникальный профиль каждого из российских университетов, его репутация и сфера влияния. Медицинский факультет Дерптского университета приобретал значение общероссийского центра подготовки гражданских и военных врачей. Среди специалистов, прибывавших в Дерптский университет из «внутренних» университетов империи, преобладали преподаватели русского языка, а среди начавших обучение в Дерптском университете и переместившихся впоследствии в Петербургский университет – желавшие продолжить обучение на юридическом факультете, как наиболее престижном, и сделать карьеру чиновника в столице. Академические миграции, ставшие в 1830–1840-х гг. многочисленными, поддержание научных коммуникаций между университетскими центрами на личном и административном уровне, унификация системы научного лицензирования и практик академической ротации в разных университетах империи, а с другой стороны, формирование в них собственных

научных школ – дает основание говорить о складывании в это время единого академического пространства в границах Российской империи, которое оставалось открытым для европейского научного трансфера.

Ключевые слова: университетские связи, академические миграции, Дерптский университет, Санкт-Петербургский университет, академическое пространство, научный трансфер, университетология.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00528 «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс» (2016–2018).

Для цитирования: Казакова К. С., Жуковская Т. Н. Университетские связи Петербурга и Дерпта в первой половине XIX в. и проблема единства академического пространства Российской империи // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 83–98. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-83-98

Академические миграции как сюжет *university studies* исследовались как в отечественной, так и в зарубежной историографии [1; 16; 18; 19], при этом преимущественное внимание уделялось подготовке российских ученых за границей или приглашению иностранцев в российские университеты. Однако взаимодействие отдельных университетов внутри русского академического пространства, особенно в ранний период его истории, отражено в литературе фрагментарно и недостаточно.

Особенности междууниверситетского взаимодействия в рамках Российской империи не менее интересны, чем изучение трансфера европейской университетской традиции в Россию. Дерптский университет в этом смысле был культурным посредником между университетской Европой и Россией. В то же время до 1837 года он был встроен в систему учебных округов империи и являлся центром управления училищами своего округа. Это создавало возможность для активных академических миграций между университетами и подведомственными им училищами. Для представителей Дерптского университета имела значение территориальная близость к столичному университету и учебному округу, что делало данное направление академических миграций предпочтительным, в сравнении с Москвой. В то же время оба университета в административном, законодательном, кадровом и научном отношении были включены в единое университетское пространство империи, которое курировалось Министерством народного просвещения. Эта включенность создавала условия для разностороннего научного и культурного взаимодействия между университетами.

Связи между университетами Российской империи, особенно на начальном этапе их существования, изучены все еще недостаточно. Контакты

Дерптского и Санкт-Петербургского университетов эпизодически рассматривались историками высшей школы в общих работах по истории высшего образования в России [1; 14], а также в рамках историописаний Петербургского [4] и Дерптского [15; 8] университетов. В то же время эстонскими учеными рассматривались научные связи Дерптского университета с Петербургской Академией наук [11; 12]. Академические миграции профессоров и студентов двух университетов, их масштабы, мотивы, законодательное оформление и результаты исследовались лишь локально, в связи с отдельными персонами или институциями. Так, например, неплохо изучен краткосрочный опыт так называемого Профессорского института в Дерпте (1828–1838) [10].

Целью нашего исследования является восстановление системы всесторонних академических коммуникаций между двумя университетами: так называемым «окраинным» – Дерптским университетом и столичным, Петербургским, в том числе картины перемещений студентов и профессоров между Петербургом и Дерптом. В рамки исследования мы включаем и историю непосредственного предшественника Петербургского университета – Педагогического института (с 1816 г. – Главного педагогического института в Петербурге), существовавшего с 1804 г. как «отделение» университета. Дело в том, что Институт во многих отношениях выполнял функции университета и был встроен в систему учебных округов и межуниверситетских связей [6].

Источниками, на которых основаны наши наблюдения, помимо университетского законодательства, стали фонды Главного педагогического института, Петербургского университета, канцелярии попечителя Петербургского учебного округа, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (соответственно фонды 13, 14, 139), а также ведомственные фонды Департамента народного просвещения (ф. 733) и канцелярии министра народного просвещения (ф. 735), которые находятся в Российском государственном историческом архиве. Материалы университетского и ведомственного делопроизводства дополняют мемуары и переписка универсантов, опубликованные на русском языке.

Академические коммуникации

Профессорская корпорация Дерптского университета на протяжении первой половины XIX в. оставалась достаточно герметичной и однородной в национальном отношении, поскольку она в основном пополнялась собственными выпускниками, а также учеными, прибывшими из немецких университетов. С течением времени доля иностранных профессоров сокращалась. Если в первой четверти XIX века среди преподавателей Дерптского университета его собственные воспитанники составляли 27,1 %, то в 1826–1850 гг. их было уже 48,5 %, а в 1851–1875 гг. – 56,2 %. Доля преподавателей,

окончивших университеты Германии, уменьшилась, соответственно, с 60 % в 1810-х гг. до 36 % в 1830–1840-х гг., и 30 % в 1850–1860-х годах [8, с. 82]. Преподавателей, приехавших из России, было очень мало. «До сих пор, – писал С. С. Уваров в министерском отчете за 1836 г., – русские профессора в Дерпте были избираемы только для одного русского языка, и то за неимением немцев, знакомых хорошо с русскою литературою» [14, с. 292]. Выпускники русских университетов заполняли, прежде всего, вакансии преподавателей русского языка и русского права в Дерптском университете и гимназиях Дерптского учебного округа. С 1807 года сюда происходило организованное распределение выпускников столичного Педагогического института, которое, однако, не стало массовым. Из каждого выпуска института в Дерптский учебный округ соглашались отправиться по 2–3 человека.

По данным статистики, за первую половину XIX в. из общего числа выпускников Дерптского университета 58,5 % остались в Балтийских губерниях, 37,7 % отправились на службу в Россию, 3,8 % уехали за границу¹.

Многие выпускники Дерптского университета стали талантливыми учеными, членами Петербургской Академии наук и профессорами русских университетов, в том числе Петербургского. Так, Дерптский университет окончили профессор статистики и политической экономии В. С. Порошин, профессор русского права Е. В. Врангель, профессор римской словесности Ф. К. Фрейтаг, профессор минералогии Э. К. Гофман, профессор физики и ректор Петербургского университета Э. Х. Ленц, положивший начало петербургской школе исследований электричества и магнетизма.

Большую роль в подготовке отечественных ученых и преподавателей университетов, в том числе Петербургского, сыграл Профессорский институт, существовавший в течение десяти лет (1828–1838) при Дерптском университете. За десять лет Институт подготовил 22 специалиста в разных областях науки. О значении этого опыта для Петербургского университета можно судить из отчета его ректора П. А. Плетнева за 1845 год. Призвав почтить память бывшего министра народного просвещения К. А. Ливена, скончавшегося в этом году, Плетнев заметил, что «при нем происходило образование в Дерпте Профессорского Института, в котором довершала учение свое большая часть нынешних наших преподавателей»². Первым из выпускников Профессорского института вернулся в Петербург и занял кафедру зоологии С. С. Куторга, вслед за ним – его брат, историк М. С. Куторга, правоведы В. С. Порошин и А. И. Чивилев, математик и астроном А. Н. Савич. Санскритолог

¹ [Пфафф Г.] Статистические материалы для определения общественного положения лиц, получивших образование в Императорском Дерптском университете с 1802 по 1852 г. СПб., 1862. С. 20.

² Годичный торжественный акт в императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1845 г. СПб., 1845. С. 9.

П. Я. Петров после обучения в Профессорском институте специализировался на кафедре восточных языков Петербургского университета, завершив научную подготовку в Париже и Лондоне. Научную и преподавательскую деятельность каждого из названных ученых можно смело назвать «эпохой» в развитии российской науки. Молодые ученые, посещая лекции и занятия немецких профессоров в Дерпте и Берлине, не только знакомились с новыми научными разработками, но и усваивали формы и стиль преподавания, которые воспроизводили затем в российских университетах. Важнейшим результатом заграничных стажировок и работы Профессорского института в Дерпте стала подготовка плеяды российских ученых и преподавателей, соответствующих уровню европейской науки 1830-х годов.

Опыт Дерптского Профессорского института был дополнен совместной подготовкой специалистов по русскому праву из студентов Петербургского и Дерптского университетов сначала в Петербургском университете и Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1828–1831), затем в Берлинском университете. Среди первой группы профессорантов, обучавшихся в Берлине, был и кандидат от Дерптского университета П. Петерсон.

В многочисленных экспедициях, организованных Петербургской Академией наук, принимали участие профессора как Петербургского, так и Дерптского университетов. Академия наук поддерживала тесную связь с университетскими обсерваториями. В 1838 году была построена Пулковская обсерватория, в организации которой ведущую роль сыграли профессора Дерптского университета академики Г. Ф. Паррот и В. Я. Струве, а также профессора Петербургского университета – В. К. Вишневский и Э. Х. Ленц. Согласно ее уставу, Пулковская академическая обсерватория должна была координировать деятельность всех обсерваторий России, в том числе Дерптской. Директором строившейся Пулковской обсерватории после аудиенции у императора Николая I в 1834 г. был назначен В. Я. Струве, питомец Дерптского университета. В 1818 году после окончания университета он принял Дерптскую университетскую обсерваторию, а вскоре стал профессором университета. В 1822 году он избирается членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, в 1832 г. ординарным академиком и переезжает в Петербург. Оба его сына, Герман и Отто, после окончания Дерптского университета также переехали в столицу и работали в Пулковской обсерватории. В 1842 году В. Я. Струве был утвержден почетным членом Санкт-Петербургского университета.

С точки зрения формирования общеимперского академического пространства символическое значение имели совместные коммеморации, такие как юбилей Дерптского университета, отмеченный в 1852 г., на котором

присутствовали делегаты от Петербургского университета – как профессора, так и студенты. В этом качестве были командированы профессора Э. Х. Ленц и Э. К. Гофман, для которых Дерптский университет был родным. Таким образом была подчеркнута персонифицированная связь двух университетов¹.

Обычной практикой был книгообмен между библиотеками двух университетов, пересылка рукописей диссертаций и редких изданий. В университетском делопроизводстве уже в 1800–1810-х гг. встречаются сведения о пересылке защищенных диссертаций и отдельных изданий из одного университета в другой, однако эта форма научного сотрудничества долго была эпизодической. В мнении профессоров Московского университета о подготовке нового устава российских университетов, представленном в 1825 г., было высказано предложение сделать книгообмен между университетами, Императорской и Российской академиями обязательным [14, с. 67]. Для библиотеки Дерптского университета книгообмен играл важную роль. При этом Дерптский университет – единственный среди высших учебных заведений России – уже в 1818 г. был членом Общества по книгообмену между университетами Германии [8, с. 77] и мог выступить посредником в книгообмене между европейскими и всеми российскими университетами. Дерптский университет заключил договоры об обмене изданиями также с Академией наук и другими научными учреждениями и учебными заведениями России и Европы. Путем обмена университетская библиотека получала различные научные издания, диссертации, защищенные в других университетах, программы лекций, т. е. то, что зачастую не попадало на книжный рынок. Иногда редкие издания или рукописи запрашивались одним университетом у другого для временного пользования. Так, в 1825 году по запросу попечителя Дерптского учебного округа библиотека Петербургского университета предоставила дерптским коллегам на несколько месяцев редкое издание 1575 г. «*Lenchavii Basiliorum synopsis*»².

Каждый университет при этом стремился пополнять свои библиотечные фонды за счет выписки из-за границы или покупки новой учебной литературы. Так, в 1822 г. для библиотеки Петербургского университета была куплена книга «*Entretiens sur la physique*», изданная профессором Дерптского университета Г. Ф. Парротом³. Обмен изданными трудами университетских профессоров происходил также путем бесплатной рассылки книг, если они были опубликованы за счет казны.

¹ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 139. Оп. 1. Д. 5615.

² ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4097.

³ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3085.

Студенческие миграции

Между двумя университетами происходил обмен культурными традициями, основным каналом которого были студенческие миграции.

Студенческая корпорация Дерптского университета, первоначально почти полностью состояла из уроженцев прибалтийских губерний. После закрытия Варшавского и Виленского университетов она включила и польский элемент. Число русских студентов в Дерпте было весьма незначительным, как и студентов-иностранцев. Перемещения студентов, уроженцев великорусских губерний, в Дерптский университет обычно были связаны с перемещением специализации в пользу медицины, поскольку в Дерпте был престижный и наиболее многочисленный среди российских университетов медицинский факультет, который отсутствовал в Петербургском университете.

По архивным документам можно восстановить некоторые индивидуальные академические траектории. А. Ф. Миддендорфа, ставшего впоследствии известным этнологом и естествоиспытателем, к поступлению на медицинский факультет Дерптского университета подтолкнули семейные обстоятельства и связи с Лифляндией. Его отец, помещик Теодор Иоганн (Федор Иванович), лифляндский немец, в 1803 г. переехал в Петербург, преподавал немецкий язык в Петербургской губернской гимназии, руководил ее эвакуацией в Петрозаводск во время Отечественной войны 1812 года. В 1813 году он был принят преподавателем немецкого языка и латинской словесности в Педагогический институт, затем возглавил Учительский институт при Петербургском университете. Но Ф. И. Миддендорф сохранил связи с родиной и небольшое поместье. Женившись на приемной дочери своего приятеля, происходившей из крепостных крестьян, он крестил сына Александра в эстонской церкви, где его мать была записана супругой Ф. И. Миддендорфа, хотя обвенчались родители позже. Основное время мальчик жил с матерью в лифляндском поместье отца. Получив хорошее образование в петербургской гимназии, А. Ф. Миддендорф без труда поступил на медицинский факультет Дерптского университета.

Второй важной причиной миграций петербургской молодежи в Дерпт была территориальная близость Петербургского и Дерптского округов. Из Казани не так просто было отправиться в Дерпт за 2 тыс. верст. Хотя и тут были исключения. Студент юридического факультета Казанского университета П. Д. Боборыкин, увлекшийся естественными науками, в 1855 г. принял решение о поступлении на медицинский факультет Дерптского университета. «Я приехал уже студентом третьего курса, с серьезной, определенной целью, без всякого национального или сословного задора, чтобы воспользоваться тем «академическим» (то есть учебно-ученым) режимом, который выгодно отличал Дерпт от всех других университетов

в России», – вспоминал Боборыкин [3, с. 140]. Мемуарист писал не только об умственной свободе, царившей в Дерптском университете, но и о свободе «бытовой»: «Учится можно было *вовсю*, работать в лаборатории, посещать всевозможные курсы, быть у источника немецкой науки, жить дешево и тихо» [3, с. 140].

Многое определялось наличием у приезжающих родственных связей и знакомств в небольшом университетском городе. Так, Н. М. Языков сделал выбор в пользу Дерпта благодаря своему знакомству с профессором русского языка и словесности Дерптского университета А. Ф. Воейковым. Студент медицинского факультета В. И. Даль вскоре после поступления в Дерптский университет был хорошо принят в доме профессора И. Ф. Мойера, благодаря тому что юноша ехал в Дерпт с рекомендациями: за него могла замолвить слово А. П. Зонтаг, родная племянница Е. А. Мойер и фельдмаршал П. Х. Витгенштейн.

В основном русские студенты в Дерпте были небогатыми дворянами, увлеченными естественными науками или рассчитывавшими вступить в гражданскую службу. Традиционно привлекательной была и кафедра русской словесности в Дерпте, благодаря ее профессорам: А. С. Кайсарову, А. Ф. Воейкову, В. М. Перевошикову.

Обучение русских студентов в Дерпте, как и прибалтийских немцев в Петербургском университете, осложнялось языковым барьером. Студенты, поступившие в Дерптский университет, должны были хорошо владеть немецким языком, на котором велось преподавание, а медики еще и в совершенстве знать латынь. От студентов-медиков при этом требовалось и хорошее знание русского языка, поскольку многие из них по окончании университета вступали в российскую службу, в том числе военную, которая протекала во внутренних губерниях империи. В циркуляре министра народного просвещения А. С. Шишкова от 12 апреля 1827 г. обращалось особое внимание на то, «чтобы врачи, оканчивающие курс в Дерптском университете, получали познания в русском языке»¹. Из-за недостатка преподавателей русского языка в гимназиях Дерптского учебного округа первоначальный уровень владения русским языком у остзейской молодежи был крайне низок. По этой причине некоторые из дерптских студентов, переехавших на учебу в Петербург, отчислялись как не способные слушать лекции на русском языке.

Некоторые студенческие миграции санкционировались университетским начальством. В 1838 году для совершенствования в русском языке из Дерптского университета в Петербургский были переведены двое воспитанников польского происхождения, Кемпинский и Курнатовский. Предполагалось,

¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. С. 581–583.

что после окончания университетского курса они займут учительские вакансии при Слуцкой гимназии в Западном крае. На подготовку к экзаменам студентам было дано полгода, после чего они были экзаменованы в двух отделениях философского факультета, т. е. по всему циклу гуманитарных и естественных наук. Решение экзаменационной комиссии было неутешительным. «Как показал экзамен, – говорилось в донесении Совета Петербургского университета, – по истечении года пребывания их в университете [студенты] не сделали значительных успехов в предметах их наук и русском языке, поэтому Совет находит их дальнейшее пребывание в университете бесполезным и просит об увольнении из университета с назначением, сообразным их познаниям в латыни, по усмотрению Министерства¹.

Отдельные казусы академической жизни Дерптского университета становились поводом для корректировки общеуниверситетского законодательства. Например, после студенческих «буйств» в Дерпте 1810-х годов произошло ужесточение дисциплинарного режима и правил для студентов во всех университетах. История с приобретенными за плату учеными степенями, которая произошла в 1816 г. в Дерптском университете, не только повлекла дисциплинарные взыскания и отмену уже полученного докторства, но стала важным поводом для оформления Положения об ученых степенях 1819 года.

Возможность перевода студентов из одного университета в другой предусматривалась законодательством. Параграф 94 общеуниверситетского устава 1835 г. гласил: «Студент, начавший лекции в одном из русских университетов, может окончить оные в другом, ...если только причины, побудившие его оставить университет, в коем прежде обучался, будут уважены попечителем, и если представит одобрительное свидетельство от того университета»². Распоряжением министра народного просвещения было предусмотрено, чтобы в выдаваемых студентам свидетельствах указывались причины, по которым они оставляют университет³. Если студент исключался из университета за дисциплинарные проступки, то после этого он уже не мог быть принят ни в какой другой университет, не получив на то особого разрешения министра. При этом университеты регулярно обменивались сведениями об исключенных воспитанниках. Например, в 1821 году Правление Дерптского университета сообщило «к сведению» в Конференцию Петербургского университета об исключении из числа «студентов философии» Георга фон Вихмана и Александра Белова за учиненные ими беспорядки⁴.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 344.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1864. С. 757.

³ Там же. Т. 1. СПб., 1866. С. 69.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 344.

Число студентов, исключаемых из Дерптского университета за дисциплинарные проступки, было выше, чем в других университетах империи. Так, по данным «Журнала министерства народного просвещения» за 1835 г., из Дерптского университета за «дурное поведение» были исключены 11 студентов, тогда как из Петербургского за этот год – лишь один студент, из Московского и Казанского – по три студента [14, с. 376]. Это положение можно объяснить более свободными нравами дерптского студенчества, присущим ему духом кастовости, а также традиционной склонностью к «буршеству», молодечеству, браваде, отличавшей студентов немецких университетов.

Анализ документов университетского делопроизводства показывает, что, несмотря на законодательно закрепленную возможность студенческих миграций из одного университета в другой, на практике такой переход без веских причин и согласия университетской администрации для казенно-коштных студентов был невозможен, а для своекоштных – сильно затруднен. При этом миф о свободной академической жизни в Дерпте, «Лифляндских Афинах», был широко распространен в российском студенчестве. В 1841 году трое студентов Киевского университета Ф. А. Венцковский, Д. Пильчиков и П. Е. Чуйков, будучи «наслышаны о свободной жизни» студентов Дерптского и Гельсингфорского университетов, решили написать письмо студентам (выделено нами – К. К., Т. Ж.) филологического отделения Гельсингфорского университета, а также к студентам Дерптского университета, с просьбой сообщить сведения об «устройстве» их университетов, правах и преимуществах выпускников, плате за обучение и ценах на жилье. «Мы решили адресоваться прямо к господам студентам, – говорилось в одном из писем, – будучи уверены, что студенты везде студенты, и ученые везде составляют братию»¹. Письмо попало в руки полиции и дошло до сведения императора, который распорядился «строго следить» за его авторами. Министр народного просвещения С. С. Уваров предписал попечителю Киевского учебного округа вникнуть в дело «без малейшей огласки, обратив внимание на то, что письму дан вид адреса от студентов всего университета»². Авторы обращения принадлежали к «недостаточным студентам» литературного отделения и, будучи опрошены инспектором, заявили, что хотели бы перейти в Дерптский или Гельсингфорский университеты для практического изучения немецкого языка. Чуйков и Пильчиков объясняли, что письмо было адресовано сообществу студентов лишь потому, что они там никого не знают. После тщательного расследования университетское начальство пришло к выводу, что письмо одних студентов

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733 Оп. 69. Д. 617. Л. 25.

² Там же. Л. 30.

другим, распространенное «сетевым» путем, не было предосудительным, этот поступок «показывает не более как неосновательность возраста и незрелость ума»¹. Тем не менее, за намерение перейти в другой университет и, особенно, за несанкционированные контакты с его студентами, как «непростительную шалость», авторы письма были посажены в карцер, и за ними было установлено тщательное наблюдение [7, с. 312–313].

Студенты, переходившие из одного университета в другой, несли с собой традиции и обычаи того университета, в котором обучались прежде. Студенческая субкультура в Дерпте значительно отличалась от той, что сформировалась в стенах «внутренних» университетов Российской империи. «Жизнь студенчества была не похожа на жизнь студентов в русских университетских городах, благодаря иным формам, которые предоставлял ей Дерптский университет», – писал один из его выпускников Евгений Деген [5, с. 79]. В Дерптском университете изначально допускались легальные студенческие литературные сообщества, разнообразные формы самоорганизации, дисциплинарный режим был более терпим к студенческим шалостям, «молодечеству» и шумным развлечениям. Исключенные за дисциплинарные нарушения не выбывали навсегда из академического поля.

Так, дерптским студентам, исключенным в 1833 г. за участие в студенческом обществе «Буршеншафт», через 1,5 года было разрешено продолжить обучение в одном из русских университетов, кроме Дерптского [16, р. 59]. Многие из исключенных избрали Петербургский университет. В университетской мемуаристике высказано предположение о том, что именно переезд этой группы академических «мигрантов» из Дерпта в Петербург стал одной из главных причин образования в 1836 г. студенческих корпораций в столичном университете [2; 13]. Так или иначе, во второй половине 1830-х гг. здесь были воспроизведены студенческие корпорации по типу национальных студенческих объединений: сначала возникло сообщество студентов из балтийских немцев, получившее название «Baltika», затем в противовес ему возникло объединение русских студентов – «Ruthenia». Многочисленным и активным на протяжении следующих 15 лет было и сообщество студентов-поляков [7, с. 304]. Таких организаций в это время не было ни в Московском, ни в Казанском университетах, что является яркой иллюстрацией переноса корпоративных традиций в ходе академического обмена между Дерптом и Петербургом. Корпоративные традиции поддерживались безукоризненно, несмотря на пристальный надзор университетской инспекции и городской полиции. В секретном донесении шефа III отделения графа А. Ф. Орлова С. С. Уварову упоминалось о том, что студенческая корпорация «Baltika» имела связь с объединениями студентов,

¹ РГИА. Ф. 733 Оп. 69. Д. 617. Л. 37.

существующими в Дерпте¹. О формировании корпоративного сознания студенчества в 40-е гг. XIX в. можно говорить именно в связи с укоренением в этой среде общеуниверситетских ценностей, определявших нормы поведения студентов [9, с. 253].

Как дерптские, так и петербургские корпоранты в своих воспоминаниях отмечали положительные стороны корпоративной организации студенчества. «Мы русские студенты не сквозь розовые очки смотрели на порядки старого немецкого режима, но вместе с тем мы умели ценить хорошие стороны местной культуры», – писал Е. Деген, учившийся в шестидесятые годы XIX в. в Дерптском университете [5, с. 79]. П. Д. Боборыкин считал, что подражательный ритуал корпоративной жизни не помогал, а мешал русским «бурсакам» в Дерпте. Тем не менее он признавал, что корпоративный быт привил молодым людям привычку к товариществу, при котором нельзя сторониться друг друга. «Суть этого единения была уже пуста, сводилась к кутежу, – писал он не без сожаления, – но идея солидарности все-таки держалась» [3, с. 141]. Распространение корпоративной организации студенчества из Дерптского в Петербургский университет было поставлено под контроль, а затем пресечено правительством. И все же кратковременный опыт студенческой самоорганизации способствовал объединению российского студенчества, ослаблению сословных перегородок, формированию корпоративного самосознания, предвосхищал разнообразные формы академической и общественной самодеятельности студентов, сложившиеся в канун «великих реформ» 1860-х.

Между «ученым сословием» Дерптского и Петербургского университетов постоянно осуществлялся обмен научной информацией и культурными традициями. Благодаря миграциям профессоров и студентов из одного университета в другой, осуществлялся перенос не только образовательных традиций, но и повседневных практик, что способствовало выработке профессиональных стандартов и корпоративной этики. Однако миграционные потоки между Дерптом и Петербургом не были симметричны. Число переместившихся в Россию выпускников Дерптского университета более чем в пять раз превышало число студентов из российских губерний, прибывших на учебу в Дерпт. Так же асимметричны были результаты перемещений профессоров.

При этом академическая повседневность Дерптского университета в рассматриваемое время была далека от провинциализма, наоборот, уровень преподавания здесь считался высоким. Амбициозные молодые ученые

¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 175. Л. 1.

из Дерпта, имевшие опыт обучения в Европе (такие как Э. Х. Ленц и В. Я. Струве), перемещаясь в столицу империи, делали стремительную академическую карьеру и быстро становились первыми величинами в своей области науки. В то же время для желающих переместиться в Дерптский университет господство в нем немецкого как языка преподавания не считалось препятствием, поскольку немецкий язык преподавался и во «внутренних» университетах на хорошем уровне. Тесные связи Дерптского и Петербургского университетов свидетельствовали об их включенности в единое научное пространство не только Российской империи, но и Европы, а также об отсутствии в дореформенной России понятия академической периферии.

Список литературы

1. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М.: Знак, 2005.
2. Белов И. Д. Университет и корпорации (отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 4. С. 779–804.
3. Боборыкин П. Д. Воспоминания. М., 1965.
4. Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
5. Деген Е. Воспоминания дерптского студента // Мир божий. СПб., 1902. № 3. С. 71–105.
6. Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20447974> (дата обращения: 7.06.2018).
7. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века*. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с.
8. История Тартуского университета 1632–1982. Таллин, 1982.
9. Казакова К. С. Студенты Петербургского университета в первой половине XIX в.: оформление корпорации и осознание корпоративности // Уроки истории – уроки историка. К 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 250–257. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36277486> (дата обращения: 7.06.2018).
10. Костина Т. В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 219–228. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17346208> (дата обращения: 7.06.2018).
11. Мартинсон Э. Э. Исторические связи Тартуского университета с русской наукой. Таллин, 1951.
12. Мюрсепп П. В. Петербургская Академия наук и Эстония. Таллин, 1978.
13. Оже де Ранкур Н. Ф. В двух университетах: Воспоминания. 1837–1843 // Русская старина. 1896. Т. 86. № 6. С. 571–582.
14. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1–4. М., 2003.
15. Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. Юрьев, 1902.
16. Birkenmaier W. *Das russische Heidelberg*. Heidelberg, 1995.

17. Friedman Rebekka. *Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804–1863*. L., Berkeley, 2004.
18. Nowiński F. *Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884*, Wrocław, 1986.
19. Schippan M. *Die Moskauer Universität und deutsche Gelehrte in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Hrg. G. Lehmann-Carli, M. Schippan, B. Scholz, S. Brohm. Berlin, 2001.

Статья поступила в редакцию 20.07.2018 г.; принята к публикации 20.08.2018 г.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Об авторах

Казакова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук»; Центр гуманитарных проблем Баренц региона (ЦГП КНЦ РАН), Мурманская область, г. Апатиты, Академгородок, ORCID ID: 0000-0002-5071-4947, ksenia-kuznec@yandex.ru

Жуковская Татьяна Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в., Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, ORCID ID: 0000-0001-9776-0038, tzhukovskaya@yandex.ru

University links of St. Petersburg and Dorpat in the first half of the XIX century and the problem of the unity of the academic space of the Russian Empire

K. S. Kazakova, T. N. Zhukovskaya

The article examines the forms of academic interaction between Dorpat and St. Petersburg universities, such as student and professorial migrations, targeted training of scientists for Russian universities at the Dorpat Professors' Institute, book exchange and exchange of scientific information between universities, participation in joint university meetings, research projects and expeditions. It is concluded that the University of Dorpat in the first half of the 19th century, incorporated into the system of universities of the Russian Empire and the system of educational districts, served as a kind of nursery of scientific personnel for "internal" universities of the empire, especially in the sphere of exact sciences and philology. Many graduates of the University of Dorpat made a brilliant scientific career in St. Petersburg, among them P. I. Preis, E. H. Lentz, V. Ya. Struve. At the same time, the introduction to the traditions of Dorpat students for academic migrants from the "internal" universities of the Empire was a condition for the adoption of behavioral patterns that went back to the traditions of German universities. In this sense, the University of Dorpat was a channel for the transfer of European university culture to Russia. Hence the spread at St. Petersburg University, following the example of Dorpat, of student corporations, which for a long time

were tolerated by the administration and did not cause persecution. At the considered time, a unique profile of each of the Russian universities, its reputation and sphere of influence were formed. The medical faculty of the University of Dorpat acquired the significance of the all-Russian center for training of civil and military doctors. Teachers of the Russian language prevailed among the specialists who arrived at the University of Dorpat from the “internal” universities of the empire, and those who began studying at the University of Dorpat and later moved to St. Petersburg University wanted to continue their studies at the law faculty as the most prestigious and make a career of an official in the capital. Academic migrations that became numerous in the 1830s – 1840s, the maintenance of scientific communications between university centers at the personal and administrative level, the unification of the system of scientific licensing and practices of academic rotation at different universities of the Empire, and, on the other hand, the formation of their own scientific schools, gives reason to talk about the formation of a united academic space within the borders of the Russian Empire, which remained open to European scientific transfer.

Keywords: university links, academic migration, University of Dorpat, St. Petersburg University, scientific transfer, united academic space, university studies.

Acknowledgment: the article was prepared with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research of the grant: “St. Petersburg Historical School (XVIII – beginning of XX century): biographical database and information resource” (2016–2018), no. 16-06-00528.

Citation for an article: Kazakova K. S., Zhukovskaya T. N. University links of St. Petersburg and Dorpat in the first half of the XIX century and the problem of the unity of the academic space of the Russian Empire. *West – East*. 2018, no. 11, pp. 83–98. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-83-98 (In Russ.).

References

1. Andreev A. Yu. Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX v. [Russian students in the German universities of the 18th–the first half of the 19th century], Moscow: Znak, 2005, 432 p. (In Russ.).
2. Belov I. D. Universitet i korporatsiya (otryvok iz vospominaniy) [University and corporation. A part of memories]. *Istoricheskii vestnik* = Historical Herald, 1880, vol. 1, no. 4, pp. 779–804. (In Russ.).
3. Boborykin P. D. Vospominaniya [Memoirs]. Vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1965. (In Russ.).
4. Grigoriev V. V. Imperatorskii S.-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya [The Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence]. Saint Petersburg, 1870, 679 p. (In Russ.).
5. Degen Ye. Vospominaniya derptskogo studenta [Memoirs of Dorpat student]. *Mir bozhii* = God's world, Saint Petersburg, 1902, no. 3, pp. 71–105. (In Russ.).
6. Zhukovskaya T. N. Pravitel'stvennye strategii v sfere prosveshcheniya i ideya universiteta v Peterburge (1803–1819) [Government strategies in the field of education and the idea of a university in St. Petersburg]. *Klio. Zhurnal dlya uchenykh* = Journal for Scientists, no. 10 (82), 2013, pp. 15–25. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20447974> (accessed 7.06.2018).

7. Zhukovskaya T. N., Kazakova K. S. *Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoi polovine XIX veka* [Anima universitatis: Students of Petersburg University in the first half of 19th century]. Moscow, 2018, 576 p.
8. *Istoriya Tartuskogo universiteta* [History of the University of Tartu, 1632–1982]. Tallin: Valgus, 1982, 319 p. (In Russ.).
9. Kazakova K. S. *Studenty Peterburgskogo universiteta v pervoi polovine XIX v.: oformlenie korporatsii i osoznanie korporativnosti* [Students of St. Petersburg University in the first half of the 19th century: corporate design and corporate awareness]. *Uroki istorii – uroki istorika. K 80-letiyu YU. D. Margolisa (1930–1996)* = The lessons of history – the lessons of the historian. On the 80th anniversary of Yu. D. Margolis (1930–1996), Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012, pp. 250–257. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36277486> (accessed 7.06.2018). (In Russ.).
10. Kostina T. V. *Vospitanniki Sankt-Peterburgskogo universiteta v Derptskom professorskom institute* [Students of Saint-Petersburg University in Professors' Institute at Dorpat]. *Peterburgskiy issledovaniya* = Petersburg studies, 2011, no. 3, pp. 219–228. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17346208> (accessed 7.06.2018). (In Russ.).
11. Martinson E. E. *Istoricheskie svyazi Tartuskogo (byvshego Yur'yevskogo) universiteta s russkoi naukoj* [Historical relations of Tartu University with Russian science]. Tallin, 1951. (In Russ.).
12. Muursepp, P. V. *Peterburgskaya Akademiya nauk i Estoniya* [Saint-Petersburg Academy of Sciences and Estonia]. Tallin, 1978. (In Russ.).
13. Ozhe de Rankur, N. F. *V dvukh universitetakh: Vospominaniya. 1837–1843* [In two universities. Memoirs. 1837–1843]. *Russkaya starina* = Russian old, 1896, vol. 86, no. 6, pp. 571–582. (In Russ.).
14. Petrov F. A. *Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX v.: formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya*. [Russian universities in the first half of the 19th century: forming a system of university education]. Vol. 1–4, Moscow: Moscow University Press, 2003. (In Russ.).
15. Petukhov Ye. V. *Imperatorskii Yur'yevskii, byvsхий Derptskii universitet za sto let ego sushchestvovaniya* [Imperial Yuryevsky, a former University of Dorpat for one hundred years of its existence]. Yuriev, 1902, 620 p. (In Russ.).
16. Birkenmaier W. *Das russische Heidelberg*. Heidelberg, 1995.
17. Friedman Rebekka. *Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804–1863*. L., Berkeley, 2004.
18. Nowiński F. *Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884*, Wrocław, 1986.
19. Schippan M. *Die Moskauer Universität und deutsche Gelehrte in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Hrg. G. Lehmann-Carli, M. Schippan, B. Scholz, S. Brohm. Berlin, 2001.

Submitted 20.07.2018; revised 20.08.2018.

All authors have read and approved the final manuscript.

About the authors

Ksenia S. Kazakova

Ph. D. (History), Research Fellow of Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”; Barents Centre of the Humanities (BCH KSC RAS), Akademgorodok, Apatity, Murmansk region, ORCID ID: 0000-0002-5071-4947, ksenia-kuznec@yandex.ru

Tatyana N. Zhukovskaya

Ph. D. (History), Associate Professor of the Institute of History of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, ORCID ID: 0000-0001-9776-0038, tzjukovskaya@yandex.ru